ПОКРОВ

На Покров покроет землю,
Словно душу, белый снег.
И душа замедлит бег
Там, где ей и Богу внемлю.

Самоцветы белых куч
Скроют чёрное и злое.
Надышаться бы покоем,
Глядя на закатный луч.

А потом идти в рассвет
Сквозь забвенье и Покров.
Новый снег давно не нов,
Но – увы – новее нет.

Нет в забвение мостов,
Только робкие тропинки.
Отражают небо льдинки.
Ожиданье. Снег. Покров…

ЗЕМЛЯКИ

Мы земляками станем на погосте,
Когда венки, оградки и кресты
Позволят нам сойтись с тобой на «ты»,
И говорить о сокровенном просто.

Но это будет завтра, а пока
Мы наши земли давим сапогами.
От этого мы сатанеем сами,
И вслед за нами давит всё тоска.

Мы ненавидим, ненавидят нас,
И небу души не роднятся ближе.
Земля подошвы, ненавидя, лижет,
Наш заземной пододвигая час.

А мы окопы роем через силу,
Стремясь уйти с поверхности земли –
Над ней ветра свинцовые мели,
Указывая путь в одну могилу.

Теперь мы земляки на долгие года –
Нас породнили супеси и глины.
Тепло земли нам согревает спины,
И о родстве журчит сквозь нас вода.

ГИТАРА

Ещё звучала первая струна,
А пальцы добежали до последней.
И в звуках упоительно заметней
Звучать не уставала тишина.

По грифу палец с чуть заметным
скрипом
Скользит, воспоминания будя.
И в такт аккордам душу бередят
Виденья прошлого, разбуженные
всхлипом.

АЛЬБОМ СЕРДЦА

Давно альбомы не в чести,
Но удержаться нету мочи.
А потому, потупив очи,
Не просто так, не между прочим,
А в благости волшебной ночи
На сердце напишу: «Прости».

СОСЕДНИЙ ДЕНЬ

Соседний день – он слева или справа?
Он очень близко и знаком до боли.
И где-то в нём лежат крупицы соли,
А пресность бытия для чувств моих
отрава.

Он где-то рядом пусть совсем не зрим,
В незримости его видны покой и сила.
Наверное, он спит в чужих могилах –
И в них ему уже не нужен грим.

А там, где явь, без грима как без рук,
Спасают грим, дежурные улыбки.
В соседнем дне поют кому-то скрипки,
Но мне не слышен струн печальных звук.

Соседний день – он был или грядёт
По крышам душ, по маскам,
недомолвкам?
Он не подвластен нынешним уловкам,
Как взрослым непослушное дитё.

Соседний день. Он может быть и в нас,
А, может, мы вросли в него незримо.
Проходит всё беззвучной пантомимой,
Понятной лишь для чуткой пары глаз.

Готов и я смотреть во все глаза,
Но сторона прихода не известна.
И потому на стенах повсеместно
Пусть с нами ждут и верят образа.

КОТЕЛОК

Скоблю до донца котелок,
Что пахнет подгоревшей кашей.
С утра была высотка нашей,
Но откатились за лесок.

А, значит, роте снова в бой –
Он не стихает днём и ночью.
Над топью где-то выпь хохочет,
И смерть летает над судьбой.

Бинт заменяет мне рукав,
Что утром оторвал осколок.
До переправы путь недолог,
Но где конец тех переправ?

Вожу в раздумье тихо ложкой
По дну пустого котелка.
Жизнь у солдата столь легка,
Что можно приподнять ладошкой.

Зажав меж ног побитый автомат,
Пытаюсь путь разведать хоть на шаг.
Усталая, украдкой спит душа,
Я до атаки сам уснуть бы рад.

На жизнь и сон наложено табу;
Лишь жухлый лист готов меня понять –
Возможно, вместе предстоит лежать.
Я всё скребу,
скребу,
скребу,
скребу,
скребу…

* * *

Ах, чуть-чуть бы пожить,
Хоть немного успеть в этой жизни,
имеющей сроки.
Повидать бы друзей и отдельных подруг
из заснеженных видов далёких,
Сосчитав по пути этажи.

А потом удивить,
Всем сказать, что хотел, да вот всё
не давался мне шанс.
На последнем моём этаже-рубеже
подан мне отходной дилижанс
С мягкой кожей отжившей груди.

И уйти в никуда,
Без готовых речей для встречающих
стражей скрипучих небесных ворот.
Убедиться, что там ищет место
под солнцем всё тот же народ.
Только стоит ли это труда?

Потому без речей
Убегу, улечу, растворюсь
в звёздной выси доселе неведомых снов.
Пусть останется в памяти
грудь рассекающий шов,
Метой мне изменивших ночей.

ВОЙНА

Война была такой, какой была.
Без ретуши, патетики и фальши.
И пусть сражения уходят дальше, дальше
Под сенью журавлиного крыла.

Война была. И в этом горечь сути,
Сжигающей порою до рассвета.
Но и в бессоннице мне не найти ответа,
Когда от жара рвётся столбик ртути.

Горит душа, как за пригорком танк,

Насквозь пробитый, с экипажем рядом.
Но сквозь прицел мне
не окинуть взглядом
Ушедший в небо наш бессмертный фланг.
Ни грохота, ни выстрелов, ни стона,
А только лица,
лица,
лица,
лица,
лица…
Смогу ли я убитым тем присниться
Или их сон закроют ветки клёна?

МЕДОВЫЙ СПАС

Так беспомощно грудь холодела,
Но шаги мои были легки.
Я на правую руку надела
Перчатку с левой руки.
А. Ахматова

Пусть перепутаны перчатки,
И мысли плачут в голове.
Ромашки – белые заплатки –
В ещё не скошенной траве.

А потому не видно ног
Идущей по покосу робко.
Никто её не уберёг,
Не вывел в жизнь знакомой тропкой.

Колоколов Медовый Спас
Ложится на прохладу лета.
И слёзы падают из глаз
Под ноги ищущей ответа.

Слёз освящённая вода
Смешается с цветочным мёдом.
Былых томлений холода
Пополнятся грядущим годом.

МИМОЗА

Ушедшей любви

Слегка задиристая поза,
Печаль, пронзившая глаза –
С таких и пишут образа,
Такие вянут, как мимоза.
Смотрю на ветку в серой луже,
А вижу дивный силуэт.
Таких, как ты, сегодня нет,
И я любовью не простужен.

ТАК НАДО

Есть в обречённости «Так надо», –
Что с детства слышим мы вокруг,
Когда беда, уходит друг –
Протест и воля листопада,
Огонь и росчерк звездопада,
Рёв непокоя водопада
И безнадёжность тёплых рук.

Болит пробитое плечо,
Спать не давая до рассвета.
«Так надо» слышится мне в этом –
И оттого вновь горячо,
И жизнь колеблется свечой,
И неба золотой парчой
Расцвечен добрый мир поэта…

БЕЗВРЕМЕНЬЕ

Свернулось Время в тонкую спираль
И замерло среди корней рябины.
Когда года сливаются в годины,
Все месяцы – один сплошной Февраль.

Бездушный Лютень – пик суровых зим –
Нам выдался, как наказанье свыше.
Стон Времени под снегом не услышат,
И шар земной с лица не смоет грим.

И так продолжим путь среди планет
Под слоем снега и под коркой льда.
Мы Время отменили навсегда,
Пытаясь тем от нас уменьшить вред.

Теперь в безвременье по снегу держим
след,
И каждый миг для нас сплошная веч-
ность.
Бредущее теперь всегда нам встречно –
Попутного убившим Время нет.